

ния, когда одним законом вносятся изменения в нормативные правовые акты, относящиеся к разным отраслям права; принимаются законы, не актуализированные развитием общественных отношений, непродуманные, не учитывающие ожидания людей, но являющиеся реакцией на некую политическую ситуацию. Примером в России может служить так называемая пенсионная реформа, следствием которой стало принятие государством ряда точечных мер по исправлению негативных последствий в социальной сфере, в частности принятие срочных дополнительных мер поддержки определенных категорий граждан. С антропологической точки зрения это ведет не только к росту недоверия к правопорядку, но и порождает страх за будущее и провоцирует уход в иную реальность, которая формируется как некая параллельная социальность, где право как таковое утрачивает свое значение. При этом осознание риска правовой незащищенности становится отложенным. Так, лица, зарабатывающие на просторах интернета, редко задумываются о будущих социальных проблемах, довольствуясь доходом здесь и сейчас. Появились, и не только в России, множество работников, получивших название прекариат (от лат. *precarium* – нестабильный). Для них характерны *устойчивая частичная* занятость, нестабильное социально-правовое положение, отсутствие гарантированной поддержки со стороны государства, к которому они чаще всего и не обращаются.

Можно ли говорить в такой ситуации о развитии правовой личности и реализации новой модели личности, предлагаемой В.И. Павловым [2, с. 132–133]? Испытывает ли такой человек потребность в восполнении своей личностной неполноты, и если да, то какие практики энергичного со-бытия с Другим он будет использовать и где он найдет Другого, с которым обретет полноту правового бытия?

Виртуальная реальность задает свои параметры общения, где особую роль играет воображение, в котором образ Другого может кардинально отличаться от реально существующего, а реальный может быть и не востребован, но лишь означен, и не всегда в языковой форме. Способно ли такое общение генерировать новые права человека, каких его свойств они будут касаться и как они будут выражены? Можно ли это общение рассматривать как правовую коммуникацию в виде взаимных прав и обязанностей или коммуникация – лишь обмен информацией, производство и передача которой и станут объектом права? Будет ли найден антропологический «бозон» в праве, чтобы построить мост или переход от виртуального в реальное, направить клиповое мышление в продуктивное русло, какой правовой язык потребуются, чтобы «обнаружить постязыковые горизонты существования мысли как акта человеческой жизни? Эти и многие другие вопросы, порожденные новой реальностью и новым типом сознания, безусловно, нуж-

даются в антропологическом осмыслении как в общей теории, так и в философии права, поскольку касаются фундаментальных начал человеческого бытия и будущего человека.

1. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
2. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2017. 262 с.
3. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.
4. Гиренко Ф.И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2015. 534 с.
5. Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека. Современные проблемы теории и практики / под общ. ред. Ф.М. Рудинского. М. : Права человека, 2009. 495 с.

УДК 340.1

С.А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

ХОЛИЗМ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ

Обусловленность реальности и процессов ее познания проблематикой человека (антропный принцип), включающей на современном этапе тенденции «антропологического ренессанса» и связи глобальных проблем с кризисом человека, актуализирует потребность в осмыслении антропологических начал в юриспруденции. Данная тенденция, с одной стороны, отражает антропологизацию правоведения, а с другой стороны, направлена на преодоление разрыва права и социальной обусловленности, укоренение права в бытии человека [1, с. 25; 2]. Так, вне христианской антропологии затруднительно понимание приобретения презируемым в античности трудом высокого социального значения (2 Фес. 3: 10); причин смягчения и практического исчезновения рабства (Исх. 21, 2–6, 26–27; Втор. 15: 12–18; Кол. 3: 10; Еф. 6: 5–6; 1 Кор. 7: 20–24); сущности таких социальных институтов, как правовое и социальное государство, права человека, и т. д.

Одновременно легализация аборт как права женщины на распоряжение телом и формы планирования семьи, эвтаназии как права на смерть, вызывающих критику биотехнологий, включая обоснование возможности убийства *уже* рожденных детей [3, р. 135–174], невозможна вне антропологии гуманизма как элемента либеральной геокультуры [4, 5].

Само включение (артикуляция) и исключение (при имманентном учете) проблем человека в предмет и методологию юриспруденции является важной закономерностью юридической науки. Так, умолчание характерно для стабильного этапа развития социума и науки, в то время как рефлексия антропологических оснований актуализируется при социальных трансформациях и соответствующих им сменах научных парадигм, когда новое понимание человека изменяет социум либо когда изменившиеся отношения легитимируются новым пониманием человека.

Актуализация антропологического измерения права на современном этапе имеет как *объективные* (расширение элементов демократии, правового государства и гражданского общества; гуманизация правоведения; возрастающая роль развивающихся государств и традиционных правовых систем и т. д.), так и *субъективные* (расширение информационного пространства, проведение научных мероприятий и т. д.) причины, которые, на наш взгляд, следует разделить на две основные группы. Первую группу составляют причины, порожденные обращением к человеку в логике либеральной геокультуры и тенденций ее развития в XX в., которые, по сути, сводятся: к приоритету личности, построению правового демократического государства, формированию гражданского общества, правам человека [6, с. 38–40; 7, с. 248–249; 8, с. 20]; переосмыслению традиционных проблем и изучению новых явлений правовой действительности, вызванных приданием праву «человеческого измерения» [1, с. 64; 9, с. 1]; критике классических методологических построений [10, с. 194–195]; преодолению «синдрома одинаковости» права и этноцентрического взгляда на мир [11, с. 100–101; 12, с. 184] и т. д. Вторая группа причин связана с возрождением в конце XX в. альтернативных либеральной геокультуре антропологических концепций, отражающих цивилизационную уникальность [13; 14; 15, с. 270–300], а также с кризисом демократии и национального государства, появлением новых субъектов альтернативного правогенеза и т. д.

Отметим постоянность присутствия антрополого-окрашенной проблематики в юриспруденции, осмысливаемой даже при игнорировании (отвержении) антропологического подхода. Так, советская наука, с одной стороны, отвергала философскую антропологию и антропологический принцип в философии [16], с другой стороны, в ней, в рамках наличия собственного антропологического изменения и редкого признания антропологии в широком смысле [17, с. 9–11], рассматривались детерминирующие правовую систему понятия «человек», «личность», «правовой статус личности» [18; 19, с. 16–35; 20]. Это позволяет не согласиться с О.А. Пучковым, констатирующим отсутствие у совре-

менного правоведения «специфического видения человека в качестве предмета правового познания» и антиантропологизм отечественной юридической науки [9, с. 1, 10, 39].

Современная юриспруденция активно обращается к антропологической проблематике в контексте анализа отраслей права и отдельных феноменов (права человека, правопонимание, реализация и эффективность права, правосудие, злоупотребление правом, правовая традиция и т. д.) [9; 21; 22, с. 5–29; 23, с. 100; 24–27] и изучения обычного права [24, 28, 29]. При этом наиболее ярко в постсоветской юриспруденции проявляются такие направления антропологической проблематики, как обращение к философской антропологии и осмысление обычного права, более характерное для российской науки.

Антропологическое осмысление реальности, в том числе правовой, предопределено *объективной сложностью и многогранностью* человека как объекта и предмета познания. В частности, предмет антрополого-правового знания, как правило, рассматривается как детерминированность права качествами человека либо как свойства человека, обусловленные правом («юридический человек», «правовое существо», «человек как социальное существо в его правовых проявлениях», «правовые проявления человека», «правовые формы жизнедеятельности людей от древности до наших дней» и т. д.).

Антропологическое измерение юриспруденции отражает ряд сложных процессов и закономерностей развития научного знания. Так, Ю.Ю. Штурцев верно отмечает, что антропология права испытала влияние всех способов формирования научного знания, связав правоведение и антропологию, используя методы и положения иных сфер познания [30, с. 312]. М.А. Дамирли считает, что юридическая антропология возникает за счет процессов внутренней дифференциации социальной антропологии, с одной стороны, и междисциплинарного взаимодействия последней с правоведением, в первую очередь с такими его отраслями, как теория права, история права и сравнительное правоведение, с другой стороны [31, с. 29]. Н.И. Козюбра рассматривает антропологию права в качестве результата дифференциации общей теории права и философии, а также интеграции знаний и гносеологических способов правоведения, этнологии, социологии права и т. д. [32, с. 9].

Следовательно, обращение к антропологическому измерению юриспруденции требует выявления исходных теоретических и методологических начал, параметров и аксиом познания, отражающих интеграцию человека в предметное поле юридической науки, связывающих правоведение с избранной внешней средой (философия, социология, богословие и т. д.), предопределяющей бытие (понимание) человека, обуславливающих качественные отличия и структуру предметно-методологи-

ческих феноменов. Одновременно с выявлением таких гипотез, предпосылок и аксиом также осуществляются поиск (определение) базового метода (принципа) познания и его эвристического потенциала, терминологическое обозначение формируемого предметно-методологического феномена (правовая антропология, антропология права, антропологический подход и т. д.), отражающего его место в системе междисциплинарных связей юридической науки. По сути, каждая из таких аксиом (либо их сочетание), избираемая в контексте целей и задач непосредственного исследования, предопределяет вектор, цели, объект, предмет, уровни познания объективной реальности, а также выступает критерием структурирования антрополого-правового знания.

Важнейшей закономерностью антрополого-окультуренных исследований является одновременное (параллельное) познание сформированного гипотезой предмета и обращение к общим проблемам объекта, предмета, методологии и уровней антропологического знания. Так, проблемы объекта заключаются в выборе уровня охвата и способа познания объективной реальности; проблемы предмета – в определении места формируемой области, включая ее наименование, в системе феноменов познания; проблемы метода – в уяснении роли избранного критерия познания для осмысления объективной реальности. Все это предопределяет корреляцию и взаимозависимость исходного термина и структуры антропологического знания (с учетом избранных акцентов), параллельное развертывание предметной дефиниции в исследовательское поле и формирование предметной сферы на основе методологического феномена.

Таким образом, любое исследование человека как объекта и предмета познания сопровождается обращением к методологической проблематике, и наоборот. В результате антропологическое знание следует воспринимать одновременно и как *холистическое*, и как обладающее *неопределенностью* предметно-методологического статуса, что иногда констатируется учеными [7, с. 247–259; 12; 33, с. 188]. Холизм и неопределенность отражают наличие внешних интегративных методологических принципов, позволяющих выйти за пределы существующего, имеющего конкретное предметное и методологическое наполнение категориального аппарата и связать воедино различные антропологии и их правовые аспекты. Этому коррелирует идея о важности наличия совокупности скоординированных дисциплинарных толкований, отворачивающей «от соблазнительной идеи обобщения путем редукции к единственному объяснительному принципу» [34, с. 163].

Многогранность человека отражается в холистической природе категории «антропология», *обобщенно* понимаемой как совокупность дисциплин, изучающих историческое развитие человечества с позиции

холизма, исследующих состояния и процессы биологической и культурной дифференциации социальных групп и интеграции их в единое целое [35, с. 1; 36]. Антропология в предметном плане подразделяется на философскую, социальную, культурную, историческую, естественнонаучную, религиозную и т. д. Они взаимодополняемы и каждая из них может проецироваться на политико-правовую реальность, порождая сложный комплекс разноуровневых взаимодополняющих предметно-методологических феноменов, выступающих под различными наименованиями (правовая антропология, антропология права, антропологический подход, антропологическая парадигма и т. д.).

По сути, большинство исследователей в данной области отмечают взаимодействие общего понимания человека и его проявлений в различных предметных сферах, а также объективное наличие в структуре антрополого-правового знания ряда имеющих собственную предметно-методологическую специфику и наименование взаимодополняемых уровней (направлений) познания, объединенных единой методологией (парадигмой). Однако названная проблема обычно артикулируется на частном, но не на предельном уровне абстракции в форме проблем статуса и разграничения (структуризации) различных уровней антропологического знания, раскрытия объема и соотношения различных терминов. В частности, В.А. Бачинин верно говорит о создании в итоге совместных усилий философского и юридического аспектов антропологии права единой социально-правовой антропосферы, скрепленной символическими, нормативными, ценностными и смысловыми связями в целостный мир человеческого бытия [37, с. 290], а Л.Г. Удовика указывает, что юридическая антропология синтезирует теоретическое и метатеоретическое (философское) познание правового бытия человека, ориентируясь на общие позиции философского, собственно юридического и духовно-практического способов постижения человека [38, с. 13].

Неопределенность проявляется в *междисциплинарности* взаимодополняемых концепций, обусловленной содержательным предметно-методологическим плюрализмом; *сложности*, порождаемой процессами создания знания (интеграция и дифференциация сфер познания, обращение как к внешним, так и к внутренним для юриспруденции феноменам); *дискуссионности* предметных границ.

Неопределенность имеет и терминологическое измерение, касающееся формирования категориально-понятийного аппарата (применение и междисциплинарная адаптация понятий классической философии, философской и социальной антропологии к предмету и целям познания, антропологическое толкование юридических понятий; создание собственной терминологии) [1, с. 16–64; 9, с. 14–15] и наимено-

вания предметно-методологических феноменов. Относительно их проявляется следующая закономерность: дискуссии о наименованиях конкретных предметно-методологических феноменов, по сути, отражают уровни их развертывания и характеризуют существующие (явно либо латентно) тяготения к некоей внеправовой сфере. Одновременно каждый термин является концептуально завершенным и может быть рассмотрен как теория «среднего уровня», а его использование предполагает присоединение к определенной школе (традиции).

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что накопленный массив исследований, касающихся многогранного отражения человека в праве и правового в человеке, объективно требует обращения к изучению предельной теоретико-методологической проблематики в данной сфере и осмысления структуры антропологического (антрополого-правового) знания. Такая предельность, относящаяся к постнеклассическим научной и управленческой парадигмам, требует изучения исходных начал познания избранной сферы, которыми, на наш взгляд, являются холизм и неопределенность.

Обращение к названным началам исключает построение единственно верных линейных вариантов развития антропологического знания как не соответствующих постнеклассической парадигме, указывая на важность избранных исследователем исходных целевых параметров, детерминирующих получаемые выводы; актуализирует проблематику структуры и уровней в антропологическом знании, включая выявление стратегий познания объективной реальности; обуславливает потребность в выработке методологического инструментария корреляции антропологического знания, полученного при помощи различных исходных посылок.

1. Гудима Д.А. Антропологічна парадигма як прояв антропологізації загальнотеоретичних досліджень прав людини // Права людини: соціально-антропологічний вимір / редкол.: П.М. Рабінович (голов. ред.) [та ін.]. Львів : Світ, 2006. С. 16–64.

2. Честнов И.Л. Антропологическая программа правоприменения // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2016. № 4. С. 87–101.

3. Singer P. Practical Ethics / Centre for Human Bioethics Monash Univ. New York : Cambridge Univ. Press, 1993. 395 p.

4. Декларация секулярного гуманизма [Электронный ресурс] // Российское гуманитарное общество. URL: <http://www.humanism.ru/gm2.htm> (дата обращения: 05.02.2019).

5. Гуманистический манифест 2000. Призыв к новому планетарному гуманизму [Электронный ресурс] // Российское гуманитарное общество. URL: <http://www.humanism.ru/manifest> (дата обращения: 05.02.2019).

6. Рабінович П.М. Методологія вітчизняного загальнотеоретичного праводержавознавства: сучасні тенденції // Бюл. М-ва юстиції України. 2003. № 1. С. 37–45.

7. Саидов А. Методологические проблемы антропологии права // Антропология права: философский та юридический виміри (стан, проблеми, перспективи) : ст. учасн. IX Міжнар. круглого столу, Львів, 6–7 груд. 2013 р. Львів : Галиц. Видав. Спілка, 2014. С. 247–259.

8. Пилогина Н.С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Куб. гос. ун-т. Краснодар, 2009. 25 с.

9. Пучков О.А. Теоретико-правовые основания юридической антропологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ур. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2010. 39 с.

10. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков : Право, 2002. 328 с.

11. Лобода Ю.П. Правова традиція українського народу (феномен та об'єкт загально-теоретичного дискурсу). Львів : Світ, 2009. 280 с.

12. Мордовцев А. Правовая система в антропологическом измерении: теоретико-методологические аспекты культурной идентификации национального права в XXI столетии // Антропология права: философский та юридический виміри (стан, проблеми, перспективи) : ст. учасн. IX Міжнар. круглого столу, Львів, 6–7 груд. 2013 р. Львів : Галиц. Видав. Спілка, 2014. С. 184–194.

13. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (В.М. Гундяев). Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.cerkov.ru/preview/1909> (дата обращения: 01.03.2019).

14. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовов времени. М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2007. 163 с.

15. Митрополит Венский и Австрийский Иларион (Г.В. Алфеев). Православное свідетельство в современном мире. СПб. : Изд-во О. Абышко, 2006. 416 с.

16. Лавский, В.Г. Критика современной буржуазной философской антропологии (биолого-натуралистическая разновидность) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1984. 170 с.

17. Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм // Вопр. философии. 1973. № 3. С. 3–15.

18. Абрамович А.М. Правовой статус советского гражданина / под ред. В.И. Шабайлова. Минск : Наука и техника, 1988. 91 с.

19. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М. : Юрид. лит., 1978. 208 с.

20. Права личности в социалистическом обществе / М.С. Строгович [и др.] ; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М. : Наука, 1981. 272 с.

21. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Совет. государство и право. 1983. № 3. С. 28–36.

22. Дробышевский В.С., Калинин А.Ф. Введение в юридическую антропологию : учеб. пособие : в 2 ч. Чита : Чит. гос. ун-т, 2004. Ч. 1. Проблемы методологии права. 135 с.

23. Ковлер А.И. Антропология права : учеб. для вузов. М. : НОРМА, 2002. 480 с.

24. Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2005. 43 с.

25. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Этнология права // Вестн. РАН. 1997. Т. 67, № 9. С. 792–807.

26. Социокультурная антропология права / Н.А. Данилова [и др.] ; под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 837 с.

27. Юридическая антропология. Закон и жизнь / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии ; отв. ред.: Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М. : Стратегия, 2000. 220 с.

28. Енчинов Э.В. Семейные ценности алтайцев : трансформация обычного права в современной культуре : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2009. 26 с.

29. Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России: на примере этнического правового обычая : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ин-т государства и права РАН. М., 2007. 25 с.

30. Штурцев Ю. Антропология права: до питання предмета та метода // Антропология права: философский та юридический виміри (стан, проблеми, перспективи) : ст. учасн. II Всеукраїн. круглого столу, Львів, 1–2 груд. 2006 р. Львів : Край, 2007. С. 312–319.

31. Дамирли М.А. Изучение права в его истории в свете антропологизации правопознания // Актуальные проблемы государственного и правового строительства в Азербайджанской Республике в переходный период : сб. науч. ст. Баку, 2003. Вып. 5. С. 18–29.

32. Козюбра М. Рівні праворозуміння: антропологічний аспект // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : ст. учасн. III Всеукраїн. круглого столу, Львів, 23–24 листоп. 2007 р. Львів, 2008. С. 8–17.

33. Козюбра М. До питання про предмет правової антропології // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : матеріали I Всеукраїн. круглого столу, Львів, 16–17 верес. 2005 р. Львів, 2006. С. 179–189.

34. Лепти Б. Общество как единое целое. О трех формах анализа социальной целостности / пер. с фр. И.В. Дубровского // Одиссей. Человек в истории / гл. ред. А. Гуревич. М. : Coda, 1996. С. 148–165.

35. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999. 471 с.

36. Терешкович П.В. Антропология // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск : Книж. дом, 2003. С. 51–52.

37. Бачинин В.А. Философия права. Конспект лекций. Харьков : Консум, 2002. 367 с.

38. Удовика Л.Г. Проблема статусу сучасної юридичної антропології // Держава і право : зб. наук. пр. Київ, 2004. Вип. 25. С. 11–13.

УДК 340.11

С.Н. Касаткин, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФЦИН России

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ: К РЕФЛЕКСИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ¹

Советская и постсоветская теория права традиционно провозглашала своим предметом познание общих закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, оставляя на периферии вопрос о взаимосвязях национальной юриспруденции и культуры. Между тем именно понятия и ценности «материнской» культуры выступают отправной точкой (не всегда осознаваемой) правового теоретизирования, формируют значимые для него ограничения. В этом плане методологическая рефлексия указанных взаимосвязей – важный элемент состоятельности правовой теории, основа более взвешенной оценки ее концептуального и практического потенциала.

В рамках данного сообщения предлагается авторский комментарий по трем вопросам темы: 1) насколько автономна правовая теория от

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-01213 «Право как целостность – право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)».

понятий и ценностей «материнской» культуры? 2) насколько состоятелен проект универсальной теории права? 3) какой должна быть установка национальной правовой теории в отношении инокультурных концепций и текстов?

Культурная автономия юриспруденции. Право – феномен культуры. Отсюда и теория права (юриспруденция в целом) представляет собой институционализированную культурную практику рассуждений о праве, его объяснения и легитимации. Соответственно, вполне оправданна трактовка теории права как культурно-обусловленной конструкции. Так, по мысли британского правоведа Дж. Раза, формулируемое теорией понятие права нельзя рассматривать лишь как инструмент, изобретенный учеными для описания и объяснения социальной реальности, как исключительную принадлежность юридической доктрины и практики. Это элемент общесоциального сознания, используемый для идентификации определенных взаимодействий и регулятивов, обеспечивающих понимание общества (своего и другого): изучая природу права, мы изучаем собственное самосознание – осмысление нами неких общественных институтов в качестве правовых. Безусловно, юридическая теория и практика формируют собственные социальные пространства, вводя специальные смыслы общих понятий (иницируя их возможные изменения). Однако данные смыслы всегда так или иначе отталкиваются от последних, ибо объектом общей теории права являются представленная в обществе система практик и соответствующие им понятийно-дискурсивные образцы [1, р. 27]. Следовательно, все это делает необходимым обращение юриспруденции к культуре, и как «полю» существования и развития права, и как смысловой основе и рамке его концептуализации.

Между тем в том смысле, в каком данная трактовка предполагает связанность правовой теории с господствующими в обществе (или даже традиционными для него) представлениями и ценностями [2, р. 87–114], она не является единственно возможной или оправданной. Теория права (юриспруденция в целом) вполне может выступать и часто выступает как автономная доктрина и система интеллектуальных практик.

Такая автономия затрагивает как понятийные основы правовой теории, так и ее ценностные начала. В числе примеров понятийной автономии назовем целый ряд постсоветских концепций, продвигающих собственные трактовки права, отличные от его официального и обыденного понимания, от традиций конкретной культуры [3, 4], или же академические курсы по юриспруденции, построенные вокруг доктрин и проблематики иной социокультурной среды (римского и средневекового континентального права [5, 6], современной англо-американской философии права [7] и т. п.). То же верно в отношении ценностей, ле-